

Читая Пушкина¹

В углу комнаты есть шкаф. На полках – от самой верхней и до нижней – книги, книги, книги, пахнущие библиотекой, в хрустящих, как тонкое печенье, обложках, освещённые лучом света, в котором танцуют миллиарды крохотных пылинок – крупниц времени; они оседают на книги, вылетают в окно к облакам, пушистым слоем покрывают полки (я их опять забыла протереть).

Между страниц – тонкие, как старинное кружево, листья. Осенние листья.

Бывает, раскрываешь книгу, а там – лист какого-нибудь *Acer Platanoides*. И сразу вспоминается то тихое осеннее утро, когда я нашла этот листок в Долне у ворот дома-музея Пушкина. Лист такой жёлтый-жёлтый, с красными краями. И хотя он больше не свежий, но от него всё ещё пахнет туманом, временем, прощальной красой, облаками и сухой травой, ветром и солнцем, холодом и теплом – всем тем, чем пахнет осень, пушкинская осень; пахнет тихо-тихо, передавая свой запах страницам, тоже пожелтевшим от времени. Там – другой, особый мир, куда я, рано научившаяся читать, бежала от ежедневности: туда, к мшистому лукоморью, к самому синему морю, «где ветер весело шумит», где куда ни глянь – чудо, где воздух пропах сказками и хвойным лесом, где русалка на ветвях и звери невиданные.

А позже я находила в этой стране чудные мгновения и чистую красоту, Петербург, Дубровского, счастье и слёзы, любовь и расставания, жизнь и смерть - потому что Пушкин реален, потому что его книги, на первый взгляд кажущиеся такими далёкими, на самом деле невероятно «свои» - через их временную призму близко-близко (протянешь руку - и достанешь) видна далёкая эпоха; потому что, читая Пушкина, учишься и верить, и любить, и надеяться, и прощать, и ценить, и понимать, и просто жить.

Пушкин вечен: его строки вписаны золотом в словесность. Да и сам он не щадит золотой краски: это сказочные Петушок и Рыбка, это волшебные орехи с изумрудными ядрами, и звезда во лбу Царевны-Лебедь, и цепь на дубе тоже из золота. А потом – позолоченные люстры и канделябры бальных залов, осень с её природным золотом и всё величие и великолепие девятнадцатого века – Золотого Века русской литературы.

Пушкин реален: он проходит с нами через всю жизнь.

... В ноябрьский вечер бабушка, накинув шерстяной платок, сядет тяжело, вздохнёт, откроет книгу и начнёт нараспев читать вечные сказки. Внуки притихнут, погрузившись в волшебство.

Великий поэт бесшумно войдёт в комнату, послушает тиканье времени, тихий и мягкий бабушкин голос. Пусть за окном моросит, пусть ноябри, апрели и январь несутся с бешеной скоростью – поэт останется таким, каким мы все его знаем: чуть насмешливым и вечно молодым.

Уже поздно, и луна вышла из-за облаков. Небо расчистилось, и мириады звёзд – крупниц времени – смотрят в окно. Пушкин задует свечу, закроет ставни и тихонько, на цыпочках, выйдет из комнаты.

Анастасия Коцюбинская

ⁱ Орфография и пунктуация автора.